

## **ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ**



Заведующий кафедрой философской антропологии,  
Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова, доктор философских  
наук, профессор.

E-mail: girenok@list.ru

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2019-14-220-229

**Fedor I. Girenok**

**Moscow State University named M.V. Lomonosov, Moscow, Russia**

**E-mail: girenok@list.ru**

© Гиренок Ф. И. 2019

### **ФИЛОСОФСКИЙ МАНИФЕСТ Московской Антропологической Школы<sup>1</sup>**

1. Философия сегодня перестала быть любовью к мудрости. Любовь к мудрости осталась там, где она и была – в античности. Философия для нас – это сознательное сумасшествие. Почему сумасшествие? Потому что быть сумасшедшим – это единственный способ в эпоху числовых измерений не быть исчисленным. Человек – это не алгоритм, а неожиданное вдруг. Почему сознательное? Для того чтобы избежать пребывания в доме для сумасшедших.

Философия – это не онтология, не наука о бытии. Для нас бытие – это не то, что выражается словом «есть». Бытие – это то, чего нет, но что дано человеку. Поскольку его нет, постольку о нём ничего нельзя сказать. Поскольку оно дано, по-стольку о нём ничего нельзя сказать на языке истины. О нём можно говорить только правдоподобно, как о призраке. То, что дано, дано не извне. Всё внешнее не дано, хотя и существует. Всё внутреннее становится. Для нас бытие – это врата в мир сновидений, но эти врата всегда заперты. Почему? Сегодня это главный вопрос, на который пытается ответить философия.

---

<sup>1</sup> Публикуется в авторской редакции

Философия – это антропология. Наивные греки думали, что в мире есть сущее и ничего больше нет, кроме сущего. Они ошибались. Мы исправляем их ошибки. В мире ещё есть то, что дано человеку. И это не вещи. Эту данность называют разными словами – грёзы, видения, кажимости, образы, галлюцинации. Все существующие антропологии ищут место человека в мире. Мы его не ищем, потому что знаем, что для человека нет места в мире. Мы говорим: не человек часть мира, а мир часть человека. Этому научила нас русская философия. Что это значит? А это значит, что человек всегда будет находиться как бы в подвешенном состоянии. Он будет чувствовать себя, как пассажир без места в вагоне природы. И с этим чувством ничего поделать нельзя.

Чему научили нас греки? Тому, что человек – это душа. Но если человек – это душа, то тогда вселение души в тело – это смерть человека. А отделение души от тела – это подлинная жизнь. Так думал Платон. А что думал полис? Народ? Он думал иначе: для него смерть – это отделение души от тела, а рождение – вселение души в тело.

Мы пойдём не за народом. Мы пойдём за Платоном. Почему? Потому что он нашёл источник света в самом человеке, а не вне его. Мы пойдём за ним, но своим путём. Мы говорим, что в мире есть только тела и силы. Но это ещё не всё, ибо так говорил и Делёз. Мы говорим, что в нём ещё есть свет. И пока в мире есть свет, в нём будут грёзы. В отличие от Делёза, мы знаем отличие между телами для эволюции и телами для грёз.

В европейской философии утвердилась мысль о том, что человек – это живое разумное существо. Но после того, как появились неживые разумные машины, эта мысль потребовала корректировки. Эта коррекция достигается посредством стирания границ между живым и неживым, с одной стороны, и разумным, и неразумным, с другой стороны. Тем самым европейская философия растворила в себе яд толерантности и отравилась. Она перестала вообще что-либо понимать в человеке. Человек теперь, говорит Делёз, не пещерное существо, измеряемое глубиной, и не душа-птица, измеряемая высотой, а плоское животное поверхности, подобное блохе или клещу. Мы говорим: человек не плоское животное поверхности, а существо, связанное с иным миром, пытающееся пробудиться. Выход из ситуации найден в рамках Московской антропологической школы, и называется он сингулярной антропологией.

2. Что такое сингулярность? Это то, с чего всё начинается и чем всё заканчивается. Гераклит назвал сингулярность мировым пожаром и заплакал от безысходности судьбы человека. Сингулярность не определяется, а описывается. Но у описания есть пределы. Например, Хокинг хотел описать всю вселенную. Для того чтобы это сделать, ему нужно было бы описать и описание вселенной. Но этот путь ведёт к дурной бесконечности.

3. В человеческой жизни всё начинается с рождения человека. Рождение первого человека – это точка сингулярности. Мы называем её взрывом галлюцинаций. Описать эту сингулярность – значит свести двойственность человеческого существования к чему-то одному и неповторимому. Когда мы смотрим на себя в зеркало, мы раздваиваемся. Нас двое: один в зеркале, другой перед ним. Когда мы видим сны, мы раздваиваемся: мы спим на диване у окна и одновременно мы бродим в сновидении. Когда мы мыслим, мы раздваиваемся: мы едем в метро и ещё мы удерживаем себя в какой-то мысли. Сингулярность

– это точка, в которой сходятся сон и явь, тело и грезы, реальное и идеальное. В этой точке совпадают смыслы и события. В ней всё возможно и ничего нельзя. По сути дела, в ней существует мир, который иногда почему-то называют монадой. Мы говорим: монады не умирают и не рождаются. Умирает и рождается человек. Сегодня его рождение и смерть становятся не делом природы, а делом техники. Мы знаем, в какой точке закончится техническое отношение человека к самому себе. Это – точка сингулярности.

4. В девятой серии «Логики смысла» Делёз попытался объяснить нам, что такое сингулярность. Спасибо ему за это. Он говорит, что сингулярность – «Это поворотные пункты и точки сгибов: узкие места, узлы, преддверия и центры: точки плавления, конденсации и кипения: точки слез и смеха, болезни и здоровья...». Мы слушаем и недоумеваем. Почему он не сказал главного? Делёз забыл сказать про сновидения. Он забыл сказать, что в точке сингулярности мир выворачивается наизнанку. Сновидения – это изнанка мира. Но мир – это не лента Мёбиуса. Мир вещей расширяется в сновидении и в этом расширении уже не зависит от вещей. Делёз отождествляет события и смыслы. Мы их разделяем. Мы знаем, что воображаемое переполнено смыслами, а реальность кишит только событиями. Смыслы – это не события, а события не смыслы. Они ведут между собой непрерывную войну. Они не совозможны, ибо когда они совозможны, начинается зона сингулярности. Реальность всегда бессмысленна. Воображаемое всегда бессобытийно. Смыслы лишают событие состава событийности, а события обесмысливают смыслы. Сон не пустое место воображаемого. В нём встречается то, что не может быть по законам реального мира. Человеческое всегда существует по логике сновидения. Мы видим эту логику в виртуальной реальности. Нечеловеческое существует по логике событий. Граница между человеческим и нечеловеческим исчезает только в точке сингулярности.

5. Мы полагаем, что суть человека состоит не в высоте и не в глубине, и тем более не в поверхности, а в сновидении. Мы сожалеем, что французский постструктурализм не с нами, что он не пошел к досократу Гераклиту. Он предпочел укрыться за стойками, чтобы сказать: «Всё, что происходит, всё, что высказывается, происходит и высказывается на поверхности». Мы говорим, что на поверхности вообще ничего не происходит и не высказывается. Поверхности хороши на липучках для мух. Всё происходит во сне. Если мы смотрим и не видим, то мы спим. Если мы слушаем и не слышим, мы спим. Антропологическая граница пролегает не между вещами и предложениями, как думал Делёз, а между человеческим миром и нечеловеческим. Сон – это граница. В нём зияет изнанка мира, которая, как воронка, засасывает события и смыслы, показывая их с неожиданной стороны. Если мы не можем заметить зияние как зияние Бога, мы спим, проваливаясь в бездну, из которой нет возврата.

6. Современные антропологии хотят установить связь с другими возможными формами восприятия мира. Они находят их у художника Бэкона и ищут у комара. Мы не столь наивны, как поклонники чудовищного очеловечивания твари и оживотнивания человека. Нам не нравится Симондон и его опыты по описанию серии касаний тела к самому себе. Мы отказываемся от расширительных толкований слова «сам» и не считаем, что существует столкновение тела с самим собой. Фреге ошибался, когда говорил, что вещи вступают в от-

ношение с самими собой. Чтобы вступать в отношение с собой, нужно не пространство, в время. А его у вещей нет. Если бы тела сталкивались с самими собой, у них были бы сновидения и мы жили бы в этих сновидениях.

7. Поэтому мы не видим в точке сгиба сингулярную точку, определяющую способ телесности. Московская антропологическая школа считает, что в каждом человеке обитают призраки. И каждый из нас пытается дать им образ или слово. Но эта попытка совершается не на поверхности, а в пространстве между внутренним и внешним. В сингулярной точке происходит столкновение тела не с самим собой, а с точкой зрения на себя. В мире Лейбница все возможности существуют одновременно. В одних первое предшествует второму, в других второе предшествует первому. В каких-то и первое, и второе существуют вместе. В каких-то нет ни второго, ни первого. Миров много. Но не в каждом из них существуем мы с вами. В мире, в котором существует человек, нельзя изменить прошлое, нельзя попасть в будущее, нельзя встретить своего прадедушку и убить его. Мы считаем, что миров может быть много, но Бог один, а человек есть сингулярное событие.

8. Предметом сингулярной антропологии является не дискретно выделенное тело человека, а событие, внутри которого стал возможен человек. К этому событию нельзя прийти, придерживаясь логики, к нему не ведут законы и правила. У него нет прошлого. Это событие – серия взрывов галлюцинаций. Предметом сингулярной антропологии является множественная конфигурация типа: человек-картина или человек-кукла. В этой конфигурации некое множество галлюцинирующих существ объективирует свои галлюцинации. Вращаясь вокруг чувственно-сверхчувственных предметов, они становятся людьми. При этом внешние связи, вызванные этим движением, составляют содержание их внутреннего мира. Сингулярная антропология обратилась к тому изначальному, что было сказано греческой философией, и напрочь было забыто новоевропейской философией. Сегодня мы говорим, что человек – это существо, спящее наяву, и обращаемся к философии Гераклита, из темноты которой извлекаем новые темы и смыслы. Идея сна изначально связана с живописной идеей зримости. Зримо сущее и образы, хотя образы – это не сущее. Образы есть для дня и ночи. В «Государстве» Платон говорит, что живопись – это сон для бодрствующих, а сновидения – это живопись, созданная богами для спящих.

9. Мы спрашиваем: почему мы спим, когда спим, и мы спим, когда бодрствуем? И отвечаем: мы спим потому, что единственные среди тысяч других сущих мы открыты внутреннему, мы отданы времени. Мы спим, потому что наш сон – это недостижимое желание стать выше себя, подняться над собой, над тем в нас, что принадлежит природе.

10. Мы избавились от языка презентаций и репрезентаций. Наша самость – это не представления, а мы сами прямым и непосредственным образом. Самость – это наше самостояние. Ничто не отделяет нас от самих себя в момент, когда мы сами стоим. Самость – это не субъективность. Это реальность, которая не ищет себя вне себя. Мы знаем, что органика галлюцинирует, а эволюция блокирует способность к галлюцинациям. Только человек есть существо, «спящее наяву». Мы передаем привет Гераклиту и смеёмся над Аристотелем и его политическими животными. Нам не по пути с осами и журавлями старика Стагирита.

11. Парменид выкинул человека из понятия бытия и этим определил судьбу европейских народов. Европа устремилась к миру нечеловеческого. Парменид думал, что бытие бытийствует вне связи с тем, что бытийствует человек. И ошибся. Мы исправляем ошибку Парменида. Мы не Европа. Мы знаем, что бытийствует только человек, потому что только человек грезит. Бытие – это не присутствие сущего. Бытие, вопреки Хайдеггеру, не выше человечества. Оно зависит от человека. Бытие тождественно мысли о бытии только в том случае, если бытие – это галлюцинация, возвышающий нас обман, а не присутствие присутствующего. Мы дарим своё открытие Хайдеггеру.

12. Мы знаем, что если бы Парменид мыслил человека, как Гераклит, то самолеты бы сегодня не летали, бомбы не взрывались, технологическое не угрожало бы нам нашим исчезновением. Жаворонок, ликуя, по-прежнему устремлялся бы к солнцу, и мы бы жили в своём внутреннем мире, наполняя его внешними связями, как живут в нём крестьяне и как жили в нём художники палеолита. Человек – мера всех вещей существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют. Этими словами мы передаём привет Протагору.

13. Бытие-в-мире – галлюцинация европейской философии, которая не сумела даже поставить вопрос о человеке. Человек – это мировая сингулярность. В мире мы не у себя дома. В нём мы гости. Грезы – наш мир. Мы из мира сновидений. Наша ненормальность – ключ к пониманию космических событий. Мы говорим: человек – центральное событие космоса.

14. Аристотель в первой главе 7 книги своей «Метафизики» писал: «Вопрос, который издревле ставился и ныне и постоянно ставится и доставляет затруднение, – вопрос о том, что такое сущее». Аристотель задал вопрос: что есть сущее? Ницше на него ответил: «Суть сущего в воле к власти». Человек у Ницше растворился в сущем. Дело не в разуме, сказал нам Ницше, а в воле. И этим сказанным был исчерпан весь интеллектуальный ресурс новоевропейской философии. Начался кризис метафизики. Бог лишился воли.

15. Мы отклоняем мысль Ницше. Нас не интересует ответ на вопрос «почему есть что-то, а не ничто?». Мы знаем, что в мире есть третья сторона, в которой каким-то непостижимым образом соединены первые две: сущее и несущее. Эти стороны соединяются в вещах, которые существуют, если мы хотим, чтобы они были. Эта сторона есть сон наяву. Для того чтобы жить в мире, нужна сила. Для того чтобы жить в мире грёз, нужна воля. Она нужна для того, чтобы одну галлюцинацию связать с другой. Воля требует времени. Мы точно знаем, что человек живёт в тёмном лесу, но этот лес не природа, а внутренний мир человека. Не свет разума может вывести из него, а отчаянная решимость человека идти по прямой. Чтобы быть, надо решиться быть. Сама воля может быть только у того, кто презрел эволюцию и спит наяву, кто рассеян, несмотря на то, что лежит, как говорит Ницше, в задумчивости на спине тигра. Спать наяву – значит следовать морали. Для человека тигр – это весь мир. И этот тигр, рано или поздно, съест человека.

16. Мы считаем, что человек – это не волящий зверь, не часть вечной природы, а сингулярное существо, единственное в своём одиночестве. Человек единок. Убегая от природы, человек загнал себя в сознание и запер себя там.

17. Мы исправляем ошибки философии Декарта и Спинозы. Мы говорим, что человек – это не субстанция и не субъект. Нельзя быть субъектом относительно того, что было до тебя. Нельзя быть субстанцией того, что будет после тебя. То, что было до тебя, не определяет тебя. Быть субъектом сегодня – значит выбирать своё тело, пол, родину, родителей, религию, родственников. Мы считаем, что быть субъектом – значит сегодня только одно: решиться на отказ от субъектности. Мысли – это наши сны, которые приходят к нам не тогда, когда мы захотим, а тогда, когда они сами захотят. Никто не может управлять снами.

18. Сознание – это время чувствовать себя. Внутреннее чувство может двигаться либо к Я, либо от Я. До Я сознание не обнаруживает себя и существует вне представления самому себе. Это тёмное сознание или, как говорит Кант, тёмное представление. Тёмное сознание – это пульсация множества нерассказанных грёз и самоощущений. Рассказывать – значит согласовывать свои пульсации с другим, добиваться признания. Что значит согласовывать свои галлюцинации с другим? Это значит искать точку, в которой мышление поворачивается к себе, а бытие – к себе. То есть согласие – это точка, в которой мысль о бытии становится не тождественной бытию. А поскольку галлюцинация – это и есть бытие, тождественно мысли о бытии, постольку она взрывается, рождая в нас чувство реальности.

19. Другой – это язык, который, как разбойник, поджидает каждого из нас, и ты либо успеешь создать свой язык, либо тебе придётся говорить на языке другого. Если ты создашь свой язык, тебя ждёт непонимание. Непонимание выводит тебя из модуса забвения своей самости, но создаёт проблемы с другим. Если ты заговоришь на языке другого, тебя будут понимать. Что значит будут понимать? Это значит тебя заставят отказаться говорить от своего имени. Тёмное сознание недоступно для языка, ибо оно отсчитывается не от Я, выступая как место встречи потоков желаемого и не желаемого. Точка отсчёта возможна после Я. С заполнения пустоты «Я есть» начинается язык. Движение сознания от Я обнаруживает всё, кроме себя. Но это всё – не-Я. Нельзя искать причину Я в не-Я.

20. Мы смеёмся над нечеловеческой антропологией. Мы не роботы. Искусственный человек – это изобретение обезумевшего научного сознания. Мы знаем, что было время, когда люди не отличались от животных. Это было время до мифа. Но мы знаем, что затем был взрыв галлюцинаций. И появилось фундаментальное различие между нами и ними. Мы – люди времени. Они – пространственные существа. У них интеллект упакован в инстинкт. У нас естественный интеллект упакован в сознание. Мы смеёмся над учеными, которые хотят вытащить его из этой упаковки. Они думают, что причина сознания лежит вне сознания. Философия же всегда знала, что причина сознания лежит в самом сознании. Мы видим, что от чистого разума Канта прямой путь ведёт к нечеловеческому разуму и в конце концов приводит к искусственному интеллекту. Старый Кант это понял и стал антропологом, назвав философию наукой о внутренних принципах выбора между разными целями. Поэтому наш привет – Канту. Мы охраняем аффект – последнюю территорию человеческого. Аффект – это не трамплин. Эмоция – это способ воздействия человека на самого себя. Наши упования не на мозг, этот жалкий кусок материи, а на сознание, великую

субъективность мира. Для нас чувствовать – значит воображать, любить – значит сходиться с ума. Никогда ни один алгоритм не сойдет с ума.

21. Нам смешна антропологизация мира. Нас забавляют стыдливые гуси этологов. Мы не обезьяны. Между нами и обезьянами стоит одна маленькая вещь – в отличие от них мы сумели подчинить себя своим галлюцинациям. Кто научился это делать, тот может подчинить себя своим целям. Кто не научился это делать, тот обезьяна вечности. Человек – это непрерывно возобновляемая цель человека быть самим собой. Нас удивляет наивность Фуко, который думал, что появление злокозненного гения – это всего лишь упражнение сознания, от начала и до конца контролируемое субъектом. Мы говорим: субъект сдулся. Мир, в котором голова всему искусственный интеллект, не совместим с миром человека. Искусственный интеллект как интеллект, лишённый органики и целеполагания, намного существеннее, чем обман злого гения, чем простое помрачнение мозга парами чёрной желчи. Он убаюкивает нас, ибо берёт на себя функции разума, умиряющего наше безумие.

22. Мы не боремся с прошлым. Мы принимаем его таким, каким оно было. Не в нашей воле менять прошлое. Но мы не хотим, чтобы оно повторялось вновь и вновь. Мы не хотим его переписывать. Мы хотим быть, как дети. Быть без прошлого и без будущего. Быть в непрерывно длящемся настоящем. Это наше время.

23. Вечное возвращение одного и того же не для нас. Оно для тех, кто слишком позитивен. Кто потерял своего двойника и перестал грезить в желаниии стать постчеловеком. Мы не позитивны. Заратустра нас не убеждает. Мы грезим, и поэтому мы всегда в настоящем.

24. Мы вернём время тому, кто его породил. Мы вернём его языку. Антропологическая катастрофа нашего времени началась с того, что язык встал на место сознания. Мы знаем, что человек – сторож воображаемого, а не пастух бытия.

25. Искусственный интеллект пусть выводит следствие из посылок, мы научим его ловить алгоритмы. Но мы знаем, что мысли по улицам не бегают. Алгоритмы не взрываются. Между тем, каждая мысль – это взрыв галлюцинаций, рождение сознания.

26. Природа любит прятаться. Мы найдём ее тайники. Но метод – это не наш путь. Метод нужен для того, кто идёт по колее, кто привык идти за кем-то. Мы ни за кем не идём. Мы против линейного мышления. Против однозначности суждений. Мы за клиповое мышление, за многозначность слов сознания. Фейерабенд нам ближе, чем Поппер, Кун, Лакатос и прочие методологи.

27. Сегодня многие думают, что наука – это мера мышления. Мы думаем иначе. Технологическое применение науки убивает науку. Наука сегодня не мера мышления, а его противник. Мышление – это не логика. Мышление – это спонтанность. Мыслят парадоксами, многозначными образами. Наука, любимое дитя философии, стремится к однозначности. Это и определяет горизонт её существования. Учёный сегодня – это не революционер. Он, как правило, ретроград, реакционер, потому что он привязал себя к опыту и забыл о необходимости путешествия в мир воображаемого. Наука не нуждается в философии. Она теперь сама себе философия.

28. Кто грезит, тот прокладывает новые пути, тот мыслит, а не анализирует слова тех, кто когда-то думал. Мы дадим аналитикам возможность анализировать. Пусть они играют в свои пустые игры.

29. У нас нет проблемы выбора. Мы свободны. Мы знаем, что для всего есть причины. Мы также знаем, что всё случайно. Мы знаем, что жизнь человека – это всегда бросок игральных костей. Одно из двух, и нет никаких оснований. Мы знаем, что плата за этот бросок – наша вечная раздвоенность. У каждого из нас есть свой двойник. Все мы раздвоены. Животные не смогут принять нас с нашей раздвоенностью. Оставим их природе. Их тела созданы для эволюции, а не для грёз. Они слишком позитивны, чтобы сходить с ума. Для нас нет проблемы дара. Мы не домашние животные, как мул, мы одариваем, а не накапливаем.

30. Мы хотим иметь дело не со знаками, а с самими вещами. Дерево – это не знак дерева. Это анахронизм мышления Пирса. У нас ещё живо чувство реальности. Когда мы смотрим на дерево, мы видим дерево, а не знак. Для нас дерево стоит в поле, а знак существует в сознании. Так мы передаём привет Пирсу. Мы знаем, что только у того, кто галлюцинирует, возможно чувство реальности. Никакой реальности самой по себе нет.

31. В человеке мир свернулся. В нас появилось внутреннее. Спасибо за это палеолиту. Позитивные науки увлекают нас сегодня цифровой культурой. Они хотят, чтобы мы развернули то, что в нас свернулось. Они хотят, чтобы мы стали плоскими. Культура предлагает нам нас оцифровать. Мы вспоминаем цифру семь Пифагора и улыбаемся. Мы – органика. Наша почва – земля. Нам угрожает кремний. Он принадлежит космосу. Человек не выдержит испытание бездонным миром, ибо выдержать это испытание – значит превратиться в лучистую энергию. Здесь мы отклоняем проект Циолковского и примкнувшего к нему Делёза. Если нечеловеческое попытается нас ограничить цифрами, мы противопоставим ему своё сумасшествие.

32. Философия – это наш нематериальный актив, который никак не отражается в действующих системах учета и экономических показателях. Цивилизация не заставит нас перевести нашу субъективность в цифровой актив. Мы люди – это органика первого шага. Мы – художники. В субъективности нашего первого шага рождается идея объективности второго. Любое число нуждается в повторении, в воспроизведении. Человек – нуждается в произведениях непрерывно длящегося первого шага.

33. Нам не по пути с цифровой философией. Почему? Потому что это философия легитимизирует схлопывание внутреннего мира и внешнего в цифре. Цифра завершает деантропологизацию мира. Европа торжествует, пронумеровав родителей и половую принадлежность человека. Где есть цифра, там, говорим мы, совесть не нужна. Тем самым мы посылаем привет Аксакову.

34. Цифровая культура – это культура данных. Большие данные пытаются заменить сознание. Данные – это не бумажные документы, переведённые в электронный формат. Это информация о достойных веры фактах, информация, пригодная для алгоритмической обработки. Число – это язык науки и технологий. Мы не технологические детерминисты. Мы не хотим подчиняться гибельной судьбе современной науки и технологий. Наше мышление



уже само по себе должно перестать быть техническим, чтобы не подпасть под власть науки и техники, потому мы все поэты, писатели. Наш язык ищет не число, а метафору. Мы любим парадокс, а не логику. Мы ищем абсурд, а не истину. Мы не из тех, кто хочет вернуться назад к Аристотелю.

35. Чтобы мыслить, нужно воображать. Нужно научиться придавать смысл бессмысленному. Нас интересует не язык, а речь, которая соединяет реальное и воображаемое. Науки о мозге ничего не знают о воображаемом. Наш мозг слишком примитивен, чтобы, минуя сознание, реагировать на символы. Искусственный интеллект лишь повторяет операции, совершаемые человеком. Человек – ритм, но не алгоритм. Не число, а чистый цвет, чистый звук и чистая форма непосредственно воздействуют на человека. Ничто во внешнем мире не является цветом, звуком и формой. Это всё то, что возникает и существует во внутреннем мире человека. Мы – новые антропологи.

36. Кто хочет думать сам, тому не нужно быть вместе с другими. Мысль – это не согласованное с другими путешествие в мир воображаемого. Согласованная мысль – это не мысль, а событие языка. Интеллектуальная элита сегодня не мыслит, она бредит согласованиями, которые лежат в основе любого общества.

37. Коллективные галлюцинации, закреплённые в формах языка, составляют содержание социальных отношений. То, о чём мы вместе со всеми говорим, это и есть социальное. Чтобы говорить вместе со всеми, нужно игнорировать то, что ты чувствуешь. Любой социум имеет слепое пятно, то, что нельзя увидеть. Нельзя увидеть самообман.

38. Дело не в том, что человек владеет словом. Им владеет и попугай. Но в этом слове нет внутреннего слова. Дело не в том, что человек умеет говорить, хотя это и важно. Уметь говорить – не значит мыслить. В конце концов, язык сегодня обнаружен везде, где обнаружена жизнь. Суть дела в том, что изначальное слово не имеет никакого отношения к языку. Это некое внеязыковое существо, в котором соединились воображаемое и реальное. Слово и есть это соединение, обозначенное предметами.

39. Мы говорим, что человек не часть мира. И объясняем, что разрыв человека с природой произошёл тогда, когда человек стал грезить. Нет причин для того, чтобы человек грезил. Все против этого. И в первую очередь против этого эволюция. А он подчиняет себя грёзам. И превращает то, что должно было его погубить, в то, что стало его спасением, стало новым горизонтом его жизни. У взрыва галлюцинаций есть два следствия.

Первое – это освобождение замороженного аффекта. Освобожденный аффект – это страсть, одержимость. Замороженный аффект спрятан внутри эволюции галлюцинирующей природы. Что значит спрятан? Это значит, что он предназначен для решения локальных проблем в природе, достижения того, что без аффекта не достигнуть.

Страсть есть только у человека. Она в нас, но от нас не зависит. Мы не субъекты по отношению к ней. Мы пассивны. Она активна. Ей противостоит разум, который хочет полной власти над ней. От того, что в нас, но независимо от нас, нельзя избавиться при помощи разума. Страсти нужно пережить. Человек – это эмоция переживания. Страсть асоциальна. В страсти находится энергия творчества и одновременно угроза культуре.

У цивилизованных людей разум и эмоция отделены друг от друга. Это разделение стало губительной социальной практикой для человека. Она предназначена для усмирения страстей. В ней изначально мыслилась какая-то идеальная жизнь человека без эмоций. Но человек без эмоций – это не человек, а техническое устройство. Сущность человека не в технике, а в религии. Наша суть в религии не потому, что мы верим в Бога, а потому что мы подчиняем себя грёзе. И потому верим в Бога. Подчинить себе галлюцинации – значит спать наяву. Классическая философия старалась разбудить человека. Особенно усердствовал Спиноза, заявивший, что человек находится в рабстве у страстей. Поэтому мы не любим Спинозу. Без Бога, говорим мы, ничего нельзя. С Богом не всё можно. Поэтому мы против разделения человека на разумную часть и на аффективную. Мы говорим – нет разума без эмоций и нет эмоций без разума. Разум сам по себе – враг мышления.

Второе следствие – это техническое отношение к миру. Подчинение человека грёзам – это изъятие человека из природы. Но место человека в ней зияет пустотой. Любое заполнение этой пустоты будет техническим. Техническое началось не с орудия, не с палки, оно началось с прирученного животного. Приручить животное – значит разорвать вяжущие связи биосферы, нарушить круговорот живого вещества. Орудие, машина, автоматическая система машин – это всего лишь расширение присутствия неорганического в сфере органического. Предел этого расширения – в техническом отношении человека к самому себе, заменяющем органическое на искусственное. Социальные практики усмирения страстей дополняются практиками на уровне генной и клеточной инженерии. В результате этих практик человек, как штопаный чулок, превращается в некий синтез органики и машины. Как птенцы на птицефабриках превращаются в биомассу, встроенную не в биосферу, а в порядок технического, так же и человек в стремлении к бессмертию идеально устроенного человека приближается к сингулярной точке, в которой заканчивается время человеческого, а вместе с ним заканчивается и эпоха технического. И начинается немислимый мир нечеловеческого.